

Выпуск 10

Беседы

по христианской
этике

СВЯЩ. ГЕОРГИЙ КОЧЕТКОВ

БЕСЕДА 21

Современные проблемы биоэтики

БЕСЕДА 22

Можно ли примириться
со смертью: христианское
отношение к смерти и умирающим

Беседы по христианской этике

Георгий Кочетков

**Беседы по христианской этике.
Выпуск 10: Современные
проблемы биоэтики. Можно
ли примириться со смертью:
христианское отношение
к смерти и умирающим**

«Свято-Филаретовский православно-
христианский институт»

2018

УДК 241
ББК 86.37

Кочетков Г.

Беседы по христианской этике. Выпуск 10: Современные проблемы биоэтики. Можно ли примириться со смертью: христианское отношение к смерти и умирающим / Г. Кочетков — «Свято-Филаретовский православно-христианский институт», 2018 — (Беседы по христианской этике)

ISBN 978-5-89100-205-7

Серия бесед по христианской этике завершается выпуском, в который вошли темы «Современные проблемы биоэтики» и «Христианское отношение смерти» с приложением «Проблемы отношения тварного человека к себе, к другому человеку и дару тварной жизни: биоэтика». Тематика биоэтики дополняет цикл бесед по христианской этике, проведенных автором в 1990–1992 годах. Серия состоит из 10 выпусков. Она рассчитана, кроме взрослых оглашаемых, на студентов и преподавателей христианских учебных заведений, а также всех, интересующихся современными аспектами осмысления и воплощения в жизнь принципов христианской этики. 2-е издание, исправленное и дополненное

УДК 241
ББК 86.37

ISBN 978-5-89100-205-7

© Кочетков Г., 2018
© Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2018

Содержание

Беседа 21	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Священник Георгий Кочетков
Беседы по христианской этике. Выпуск 10.
Современные проблемы биоэтики. Можно
ли примириться со смертью: христианское
отношение к смерти и умирающим

Издание 2-е, исправленное и дополненное

ВЫПУСК 10

БЕСЕДА 21

Современные проблемы биоэтики

БЕСЕДА 22

Можно ли примириться со смертью: христианское отношение к смерти и умирающим

Беседа 21

Современные проблемы биоэтики

Семинар студентов СФИ с участием преподавателей СФИ Г. Л. Муравник, к. м. н. О. Б. Поляковой и к. м. н. О. А. Ермолаева, состоявшийся 8 июня 2009 г.

Биоэтика – вещь практическая, как любая этика. Плоха та этика, которая не имеет выхода на реальную, конкретную жизнь.

В наше время все вопросы биоэтики резко обострились, не случайно они выделились в отдельную специальную группу. Я думаю, что есть перспектива расширения этих проблем. Я представляю, как лет через двадцать студенты посмотрят на вашу программу и скажут: «Ой, как им было хорошо, как им было легко. Нам бы такое!» Но посмотрим, насколько действительно у вас всё хорошо и насколько вам всё легко.

Что вас в прослушанном курсе больше всего зацепило? Что показалось наиболее актуальным или наиболее проблемным?

- У меня вопрос о зарождении жизни в пробирке. Каково здесь соотношение воли Божьей и воли человеческой? Можно ли видеть в этом продолжение творения? Если клетка несёт на себе благодать Святого Духа как потенцию жизни, тогда это допустимо. Или это следствие грехопадения, и даже вопрос нельзя ставить так, что человек может зародиться в пробирке искусственным оплодотворением?

о. Георгий. Вопрос простой. Дело в том, что любая этика говорит о тех или иных границах. Но внутри границ находится не просто что-то одно, а некоторый спектр возможностей. Однако нам важно знать, где границы всего этого спектра. Мы, наверное, никогда не разгадаем загадку того, как зарождается жизнь. Мы не можем прямо и непосредственно говорить, что клетка несёт благодать Святого Духа. Это было бы слишком.

Благодать может содержаться в нас непосредственно, как это бывает в нашем сердце, по нашей вере, а может опосредованно. Я думаю, вы понимаете, что здесь как раз тот случай, когда благодать, если и содержится – наверное, некое Божье благословение почивает на таком распространении принципа жизни, – то опосредованно. В этических вопросах всегда будьте поосторожнее с терминологией. Когда вы что-то говорите, будьте очень внимательны. От того, как вы поставите вопрос, будет зависеть, какой вы получите ответ. Если вы чуть-чуть неточно сформулируете вопрос, даже совершенно случайно, вы имеете очень большой шанс получить ошибку и в ответе.

В любом случае, неординарная ситуация – она и есть неординарная ситуация. Речь о пробирке заходит не от хорошей жизни.

Когда всё нормально, тогда, как говорится, и проблем нет. Всё естественно, и уже потому, что естественно, потому и нормально. Это не самый высший принцип, данный нам от Бога, но он существует, и мы пренебрегать им не можем. Да, Бог выше естества, но выше, а не ниже. И человек бывает выше естества, но он не должен быть ниже своего естества. Это общий биоэтический принцип.

Дальше приходится рассуждать. Есть ситуации экстраординарные, форс-мажорные. У людей, допустим, нет детей, а они хотят их иметь, и для них это принципиально важно, скажем, для реализации своей личности и для своей духовной наполненности. Ведь (не всегда, но часто) бывает так, что человек хочет, чтобы деторождение, воспитание детей стало бы для него школой любви, своего рода духовной школой. Многие стремятся к этому не просто повинаясь инстинкту размножения. Хотя, конечно, у людей существует и такое, кто будет спорить, но у людей существует не только это. Если животные могут довольствоваться одним инстинктом, и всё нормально, то человек не может остановиться только на этом. Он всегда может и должен ставить те или иные духовные задачи, а не ограничиваться лишь тем, что ему приятно посмотреть на молодяк, повозиться с ним, что-то ему предложить, увидеть в другом себя и т. п.

Часто родители думают, что если они в ребенке увидят себя, это и будет то, что надо. Нет, это ещё не совсем то, что надо. Это работает как раз лишь принцип естества, и только естества, что означает «назад на деревья». Но для человека этого мало. Поэтому и встала проблема: как быть супругам, скажем, которые по разным причинам естественным путём зачать ребенка не могут. Бывает так, что состояние здоровья матери однозначно таково, что она на

это неспособна. Бывают всякие ситуации и разные могут быть причины, вы это лучше меня знаете, когда пойти естественным путём не получается, но как раз тогда и могут возникнуть этические проблемы.

Наука и медицина теперь позволяют осуществить зачатие в пробирке, экстракорпорально. Это при благоприятных обстоятельствах можно сделать так, чтобы зародыш не погиб. Но где здесь границы дозволенного? Позволительно ли вообще об этом думать? Как вы знаете, мнения христиан здесь расходятся. Одни говорят: да никаких проблем; а другие: нет, нельзя, потому что это не очень естественно. Пробирка – это не утроба матери, и люди, особо чувствительные ко всяким немного психологизированным или мистическим моментам, говорят, что, знаете, если рождённый человек с самого начала не будет существовать в естественных для себя условиях, то он чего-то существенного недополучит.

Споры, конечно, будут продолжаться, однозначного ответа здесь нет и, наверное, не будет. Скорее всего, люди никогда не решат однозначно эту проблему, потому что для её окончательного решения надо дать точное определение человеческого естества, однако на сегодняшний день этого никто сделать не может.

Что такое человеческое естество? Где его границы? Я вам уже сказал: человек – существо особое, он может вести себя естественно или выше естественного, но он не должен вести себя ниже естественного. Помните, как говорится в богослужебных книгах? «Пал ниже естества». Это выражение, помню, в молодости меня необыкновенно поразило. Я никогда такого не слышал и не мог себе представить, как можно пасть ниже естества. Это примерно то же самое, что провалиться под землю. Тем не менее святые отцы это выражение употребляли и очень серьёзно к этому относились.

Вот, исходя из этого, вам и надо дальше рассуждать, только очень, очень осторожно, начиная с того, что более или менее ясно. Я бы пошел от обратного: а где можно точно сказать, что вот так-то и так-то нельзя? И потом постепенно немного сужал бы эти границы, утеснял их в соответствии с требованиями совести и этическими требованиями.

Во-первых, если мы с вами осуждаем прелюбодеяние, любодеяние и тому подобное, то уже ясно, что никаким образом не будет позволительно брать постороннего донора только потому, что мне кто-то понравился по фотографии. Что ж, человек не несёт никакой ответственности, он сдал на хранение свою сперму, получил за это денежки – и всё! Можно сразу сказать, что это даже не прелюбодеяние, а что-то хуже прелюбодеяния. Мало того, что зачинать от чужого человека, да ещё и в пробирке! Это двойной грех. Помните, у нас был случай в братстве, когда мне пришлось отлучить от причастия целую группу лишь за то, что они поддерживали свою сестру, которая решила это сделать и сделала...

Г. Муравник. Она воспользовалась именно донорской спермой или от своего мужа?

о. Георгий. Именно донорской, почему и пришлось сразу их отлучать. Я тогда первый раз в жизни столкнулся с такой проблемой. Но я отлучил не только самого человека, который это сделал, но и всю группу. Почему? Потому что они дали очень плохой совет. Конечно, она была человеком больным, с онкологией. Она этого боялась и хотела во что бы то ни стало ребенка. И вот, во что бы то ни стало она его и приобрела, хотя знала, что очень скоро умрет. С одной стороны, человека можно и нужно было пожалеть. С другой стороны, нельзя было поддерживать его желание сделать это «во что бы то ни стало».

О. Полякова. Я могу прочесть по поводу гетерологического осеменения фрагмент из книги католических авторов Элио Стречча и Витторе Тамбоне «Биоэтика» о недопустимости семени от донора. «Искусственное гетерологическое осеменение противоречит единству брака, достоинству супругов, родительскому призванию, а также праву ребенка быть зачатым

и рождённым в браке и от брака... Кроме того, оно наносит оскорбление общему призванию супругов, предназначенных к отцовству и материнству: объективно оно лишает супружеское чадородие его единства и целостности; оно производит и делает очевидным разрыв между теми, кто даёт жизнь ребенку в генетическом плане, тем, кто вынашивает его, и теми, кто несёт ответственность за его воспитание»¹.

о. Георгий. Ну вот видите, как всё просто и ясно. С католической педантичностью.

- Здесь акцент на чужом человеке?

о. Георгий. Да, мы сейчас говорим о том случае, когда человек чужой, когда он избран по человеческому любострастию. «Хочу, чтобы был ребенок от этого красавца».

О. Полякова. Там красавцы не фигурируют.

о. Георгий. Это неважно. «От этого жеребца». (Смех.) Неважно, как его назовут, я говорю об эвдемонической позиции.

О. Полякова. У реципиента нет никакой информации о доноре: ни фотографии, никаких данных о нём быть не может.

Г. Муравник. Нет, реципиент знает, что донор, допустим, европеоидной расы, такого-то возраста, абсолютно здоров, ни сам, ни в семье не имеет психических отклонений. Светловолосый, голубоглазый. Какие-то сведения обязательно есть, но никаких контактов с этим человеком нет, всё анонимно.

о. Георгий. Там дают справку с объективированными индивидуальными характеристиками. Первое и, мне кажется, очень важное: человеку нельзя ничего делать любой ценой. Человек должен всегда знать цену всем вещам. Все вещи имеют цену – не в смысле стоимости, а в смысле ценности, – потому что так или иначе они несут в себе какую-то для нас ценность.

А вот дальше идут более сложные вопросы. Что если зачинать экстракорпорально от мужа? В любом случае это компромисс, именно потому что в пробирке. Но что-нибудь ещё ограничивает или не ограничивает человека, как вы думаете?

- Меня смущает то, что в этом процессе получается не один зародыш. Обычно женщине подсаживают несколько эмбрионов, часть которых потом приходится уничтожать.

Да, это важный фактор. С другой стороны, он почти естественен.

- Как быть с волей Божьей? Дается ли она на это?

Подождите, подождите. Сразу с волей Божьей здесь не решишь. Если мы так будем рассуждать, мы тут же придём к тому, что никакие таблетки вообще не нужны и лечиться надо только по принципу: умрёшь – так умрёшь. Как говорят в народе, живи, не тужи, помрёшь – не убыток. Как получится, так и получится. Мы с вами от этого взгляда далеки. К слову говоря, я встречал таких людей, особенно в монастырях, которые принципиально отказывались лечиться. Именно потому, что это неестественно, даже если используются травы, а не химия, всё равно неестественно.

---

¹ Стречча Э., Тамбоне В. Биоэтика: Учебник. М., 2001. С. 232.

- То есть в таком оплодотворении может присутствовать момент медицинского восстановления возможностей?

Да, весь вопрос в том, может человек действовать синергически, как бы помогать исполнению замыслов Божьих, или не может? Мы с вами с общих антропологических позиций обычно считаем, что может и, более того, должен. Но вопрос – где здесь грань между возможным и невозможным.

Г. Муравник. Один французский врач XVII в. говорил: «Я лечил, а Бог вылечил».

о. Георгий. Правильно, и апостол Павел точно так же говорил: «Один насадил, другой поливал, а Господь всё взрастил». Но всё-таки кто-то же насадил и кто-то поливал. Апостол Павел эти вещи понимал хорошо, хотя иногда и противоречиво, а может быть, антиномично: трудно понять, где кончается одно и начинается другое.

Здесь вопрос веры и доверия. У нас нет объективных критериев для того, чтобы в случае, когда у людей нет выхода, сказать, что экстракорпоральное зачатие, т. е. зачатие в пробирке, однозначно грех. Объективных критериев у нас нет, поэтому «по вере вашей будет вам». Это примерно так же, как с контрацепцией. Вот тоже пример биоэтической проблемы. Протестанты, как правило, всё разрешают; католики, как правило, ничего не разрешают; православные говорят, что что-то можно, а чего-то нельзя.

- Куда кривая выведет.

Нет, не «куда кривая выведет». Вы меня простите, так это понимать не надо, потому что это будет неправдой. В жизни, может быть, это иногда и бывает правдой, но в жизни и у протестантов, и у католиков тоже много чего бывает. Мы опубликовали в «Православной общине» соответствующую статью по биоэтике митрополита Виленского и Литовского Хризостома (Мартишкина)². Если не читали, то почитайте. Об этом очень хорошо и мудро писал митр. Антоний Сурожский. Он как раз показывал, почему мы не разделяем католический взгляд и почему не можем согласиться в этих вопросах с протестантами. Мне кажется, что это правильно, всё-таки все крайности плохи. Именно из общих соображений можно прийти к любой крайности. Можно сделать акцент, скажем, на том, что всё должно быть только естественно, и тогда мы должны будем всё отрицать. А если мы скажем, что всё должно быть во благо человека, ради его любви, то мы сразу придём к противоположному, протестантскому, выводу. Попробуйте-ка бороться с такой аргументацией, что с одной, что с другой, и у вас ничего не получится, потому что какая-то своя правда есть и в том, и в другом взгляде.

Надо понимать, что ЭКО (экстракорпоральное оплодотворение) – это компромисс, а с компромиссами надо быть очень осторожными. Компромисс, как мы с вами обычно говорим, находится на грани добра и зла: это и не то, что добро, но ещё и не совсем то, что можно прямо назвать злом и грехом. Значит, должны быть какие-то дополнительные внутренние основания, внутренние критерии, чтобы решать так или иначе. Повторяю, здесь уже нет объективных критериев, есть только связанные с вашей верой и с вашей чуткостью ко всем нюансам ситуации. Эти ситуации бывают разными, и я бы решал вопрос по-разному в разных случаях. Иногда я бы явно не рекомендовал этого делать, потому что надо учитывать возраст, возможности воспитания ребенка, мотивы, причины, то, почему вдруг обычное нормальное оплодотворение стало невозможным. Я бы всё это вместе взвесил и только тогда что-то сказал, и то не в повелительном наклонении, а в рекомендательном ключе, оставляя решение на совести самого человека в соответствии с силой его веры и надежды на Бога.

---

² См. Интервью владыки Хризостома, архиепископа Виленского и Литовского по проблеме абортов и контрацепции // Православная община. 1992. № 7 (1). С. 60–67.

Мне не однажды, например, приходилось встречаться с людьми, у которых очень долго не было детей. Сами знаете, как это часто сейчас бывает: нет и нет, год, и два, и пять, и десять. Кажется, что уже всё, это бесплодие. Супруги меня просили помолиться, мы вместе помолились, и пошли детки. У одних сейчас трое детей, у других двое, а до того в течение тринадцати лет не было ни одного – и даже не предвиделось. Вы все понимаете, что это значит для супругов. А откуда известно, что повлияло на результат? Когда мы молились, мы действовали по вере, мы не говорили: «Пойдите, сделайте всё для экстракорпорального оплодотворения». Мы не можем приказывать Господу Богу, как золотой рыбке: «По щучьему велению, по моему хотению сделай так-то и так-то». Это не сказка.

Поэтому я бы оставил этот вопрос отчасти открытым, поскольку он, подобно другим проблемам биоэтики, как вы уже, наверное, заметили, часто связан с компромиссом, а потому на него трудно бывает давать однозначный ответ. Не знаю, как вы в своём курсе решали такие вопросы. Я специально не стал никого спрашивать заранее, чтобы если мы вдруг сильно и принципиально разойдёмся в этом вопросе, – а вы же наверняка всё это уже обсуждали, – то мы могли бы немного поспорить или подIALOGизировать друг с другом.

Г. Муравник. А всё-таки как быть с проблемой редукции эмбрионов, когда подсаживают лишние? И с проблемой так называемых эмбрионов с истекшим сроком хранения? Ведь часть эмбрионов подсаживают, часть оставляют в заморозке в жидком азоте. Проходит пять или десять лет, и их уничтожают или используют в качестве биоматериала.

о. Георгий. Да, это всегда будет проблемой. Вы мне, конечно, можете сказать: «Посмотрите, сколько сперматозоидов погибают после полового акта, не дойдя до оплодотворения». Они исполнены энергией и силой, генетическим кодом и т. д. и тоже погибают. Можно и так рассуждать.

Г. Муравник. Сперматозоид всё-таки гаплоидная³ клетка, это другое дело.

о. Георгий. Конечно, между ними есть принципиальная разница, кто будет спорить? Но это всегда очень сложный вопрос. Мы действительно верим, что человек, может быть, ещё потенциально, становится человеком с момента оплодотворения. Это фундаментальная вещь. Но, как вы знаете, и об этом шли большие споры. Даже у католиков здесь есть разные точки зрения. Я впервые с этим встретился в книге отца Михаила Арранца, где он трактует текст из нашего Требника о том, что человек осуждается как убийца, если случится выкидыш на пятом месяце беременности. Так как там указан срок, то о. Михаил говорит: «Вот видите, нужно пять месяцев». Он здесь не договаривает, естественно, до конца, чтобы его ни в чём не могло обвинить начальство, но он делает из этого совершенно однозначные выводы, что человек-то, может быть, и не с первого дня человек, а только с пятого месяца. Вы можете открыть Требник, там на самом деле после Молитвы восьмого дня по рождению будет представлен древний христианский текст, который принят церковью и спокойно сохраняется и перепечатывается в каждом издании (благодаря, конечно, патине древности и церковнославянского языка). Тем не менее для нас это некоторый вызов, потому что в нём действительно содержится тот смысл, на который намекал о. М. Арранц.

Г. Муравник. Там речь идёт о спонтанном или о чем-то индуцированном выкидыше?

---

³ Гаплоидные клетки – это живые клетки, содержащие половинный набор хромосом, в отличие от диплоидных клеток. Частным случаем гаплоидных клеток являются гаметы (т. е. половые клетки). – *Прим. ред.*

о. Георгий. По-моему, индуцированном, потому что при спонтанном выкидыше всё-таки нет оснований наказывать человека как убийцу. К сожалению, я не помню буквально этот текст, но было бы интересно, чтобы вы изучили его. Не для того, чтобы сразу поменять свою точку зрения, а для понимания того, что этот вопрос очень сложный. И опять же, объективных критериев здесь нет. Но есть, например, очень мощная традиция считать, что душа человека вселяется в него лишь в момент рождения, а некоторые полагали, что даже и ещё позже. Всё это дискутировалось веками. Запад – и протестантский, и католический – очень активно участвовал в этих спорах.

А вот богослужебные указания к Молитве восьмого дня, на которые ссылался о. Михаил. Читаю: «Если новорождённый младенец по немощи не сосёт грудь и выглядит умирающим, то не следует, как некоторые неверно говорят, ожидать до шестого или восьмого дня и лишь потом крестить его, но следует в час, в который он родился, только омыть его и сразу же крестить, чтобы не скончался непросвещённым. Ибо если беременным на пятом месяце случается от какого-нибудь удара выкинуть младенца, и даже за это они по законам и правилам повинны как убийцы, то тем более подобает избегать осуждения за уже рождённых, если они скончаются непросвещёнными»⁴.

Г. Муравник. Получается, это относится и к спонтанным выкидышам: «...от какого-нибудь удара». Мало ли что может быть, упала, например.

о. Георгий. Здесь не очень понятно сказано, но, думаю, подразумевается удар как внешнее воздействие. Да, нужно хранить себя и от всяких ударов. Женщина может упасть, а может кто-то её ударить, или она сама может что-то с собой сделать.

• Я столкнулась с тем, что даже после выкидыша над женщиной должна читаться какая-то молитва, такая же, как если бы она сделала аборт.

о. Георгий. Да, с этим всё очень неясно. Если случился выкидыш, то какая-то молитва должна читаться. Например, молитва XV в. «Жене, егда извержет младенца» из Требника. Там действительно женщина называется убийцею, хотя и не приравнивается к нему, ибо не отлучается от церкви. Это странно. Но бывает, что сейчас по такому случаю читают Молитву сорокового дня над матерью, как над родившей, что, конечно, полностью противоречит смыслу этой молитвы.

Итак, есть то, о чём говорит Г. Л. Муравник, есть проблема, связанная с тем, когда же всё-таки человек становится человеком. Но это вопрос неразрешимый, ибо этого никто до конца не знает. Мы можем здесь отвечать опять только по интуиции или из общих соображений, что, собственно, всегда и делали. Эти споры шли всегда, и выигрывали в них в общем-то те, кто был у власти. Но мы должны честно сказать, что точно не знаем, когда существо становится духовным. Человек отличается от животного только одним – духовным началом. А как мы с вами только что говорили, утверждать, что на клетке благодать почиет напрямую, нельзя. Опосредованно – да. К тому же, благословение Божье существует и на всём живом. Здесь есть проблема опосредованности, и я думаю, что разрешить её рациональным путём невозможно. Мы должны применять здесь евангельский критерий и смотреть на всю ситуацию в целом по духу и по плодам, по свидетельству совести, очень внимательно, не предвзято.

Ко мне не однажды подходили сестры и просили благословение на экстракорпоральное оплодотворение от мужа. Я сильно колебался, задавал всякие вопросы. Я считаю, что нельзя давать благословение, когда речь идёт о каком-либо компромиссе. Это то же самое, что дать благословение на развод. Мы все прекрасно знаем, что бывают обстоятельства, когда развод

---

⁴ Православное богослужение: В пер. с греч. и церковнослав. яз.: Кн. 4: Последования таинств крещения и миропомазания и другие чины воцерковления. М.: СФИ, 2008. С. 22.

неизбежен. Есть случаи, когда уже что-то пропущено, но даже при самых извинительных обстоятельствах любой развод – это по меньшей мере компромисс, и поэтому я никогда не даю благословение на него. Я не отлучаю от причастия, если человек развелся, хотя в нормальном случае за развод надо было бы отлучать от причастия, если развод произвольный, т. е. если человек увлекся кем-то другим и решил бросить свою семью. Человек как бы говорит вам: «Вы знаете, какая у меня радость? Я полюбил человека, порадайтесь со мной». «Но у тебя же двое детей». «Да, но я разведусь. А что же вы со мной не радуетесь?» Такое бывало не однажды. Я утрирую чуть-чуть, но не больше. За такой развод надо отлучать от причастия, т. е. от церкви. Отлучение от причастия для мирянина означает отлучение от церкви. Но бывают ситуации, когда представишь себя в тех обстоятельствах, в которых человек живёт годами, и думаешь, как там она или он с ума не сошли, как они вообще ещё живы? И спрашиваешь: а что бы я сделал на их месте? И я чувствую, что я бы развелся. Человек сделал всё, чтобы сохранить брак, но он не сохранился. Всем понятно, что в этом вопросе бывают ошибки. Люди далеко не всегда вступают в брак по воле Божьей, а такие браки зачастую сохраниться не могут. Бывает так, что «стерпится – слюбится», а бывает и по-другому. Но даже в таких тяжелейших обстоятельствах я всё равно не даю благословение на развод, потому что это тяжкий компромисс. Даже если сейчас человек не совершает ошибку, он когда-то сильно ошибся. Допустим, женился не по любви, а по каким-то соображениям или только по страсти, ибо страсть вспыхнула. Он потом локти кусает, а уже ничего не поделаешь.

То же самое и здесь: я считаю, что церковное благословение на экстракорпоральное зачатие даже от мужа давать нельзя ни при каких условиях. Но могут быть обстоятельства, когда эта мера компромисса всё-таки может быть покрыта Любовью Господа Бога. Мы не можем, не имеем права это делать, а Господь тем не менее всё это покрывает. Это бывает видно по людям, по духу и по плодам. Мы в церкви благословение не даем, как бы отстраняемся от решения проблемы, и тогда или человек творит волю свою, или волю Свою творит Господь.

- Даже если это суррогатная мать⁵?

Это ещё одна, отдельная проблема. Я думаю, что вы на лекциях про суррогатное материнство тоже говорили, но мы не успеем сегодня все темы повторить, поэтому давайте всё-таки разберём самые горячие вопросы. Суррогатное материнство – это самостоятельное, отдельное явление, хотя и связанное, конечно, с тем, что мы сейчас обсуждаем.

Г. Муравник. Это тоже экстракорпоральное зачатие. Когда мать уже и выносить не может, тогда появляется суррогатная мать.

о. Георгий. Да, тем не менее люди на это идут. Вообще все био-этические проблемы очень сложны. Я видел самые разные примеры: и положительные, и отрицательные. Люди реагируют на них очень по-разному. У меня всё-таки сложилось впечатление, что и результаты – не в смысле практических, а в смысле духовных плодов – бывают разные. Поэтому я и считаю, что все эти вопросы, по меньшей мере, компромиссные. Мы должны в первую очередь четко отсечь всё то, что не подходит нам в принципе, а остальное отдать на суд совести верующего человека, на его ответственность, потому что если мы здесь будем слишком щепетильны, мы погрешим против Бога. Ведь мы же с вами тоже каждый день грешим, но не считаем, что это нас сразу выводит из церкви, из-под Божьего покрова. Мы знаем, что многие грехи нас из неё

---

⁵ Суррогатное материнство – вспомогательная репродуктивная технология, при применении которой женщина добровольно соглашается забеременеть с целью выносить и родить биологически чужого ей ребёнка, затем отдан на воспитание другим лицам – генетическим родителям. Они и будут юридически считаться родителями данного ребёнка, несмотря на то, что его выносила и родила суррогатная мать. Беременность у суррогатной матери наступает в результате переноса ей эмбриона, полученного оплодотворением яйцеклетки биологической матери сперматозоидами биологического отца. При этом родителями рожденного ребенка будет один или оба человека, чьи гаметы использовались для оплодотворения.

не выводят, а какие-то всё же выводят, и установить эту грань бывает крайне сложно. Даже один и тот же грех в разных случаях для разных людей может действовать по-разному: и так, и так. Иногда это касается и тяжелых грехов. У меня был один случай, когда даже прелюбодеяние не лишало человека благодати. Правда, этот человек был психически не очень здоров, поэтому он просто не мог собой вполне владеть. Это психические проблемы. Но прелюбодеяние однозначно смертный грех. Никто не будет с этим спорить. Хотя я знал одного человека, который спорил. Он говорил: «Всё в Евангелии хорошо, но в одном месте Господь ошибся, сказав “не прелюбодействуй”». (Смех.) Но это был только один человек, и он был вор и пьяница.

Г. Муравник. Я знаю, что некоторые студенты, якобы знатоки греческого языка или библейского иврита, говорят, что в Писании имеется в виду, что нельзя вступать в такие отношения лишь при отсутствии любви, иначе будет грех. А если по любви, то неважно, в браке это делается или вне брака. Что там за проблема перевода, о. Георгий? Если по любви, то нет греха?

о. Георгий. Ничего такого в греческом тексте Нового завета совершенно точно нет. Вообще рассуждения о том, «по любви или не по любви», принадлежат исключительно Новому времени. Это современная проблема, потому что сейчас количество браков, заключённых в принципе не по любви, огромно. Браки всегда заключались по разным соображениям, просто какое-то время назад это считалось нормальным. Какая разница, какая у тебя будет жена? Главное, чтобы родственники договорились, чтобы они подписали брачный контракт, чтобы приданое было нормальным и дела потом хорошо шли, а ночью «все кошки серы». Так люди рассуждали веками, в том числе и в Православной церкви. Разговоры о таинстве брака в ней начались очень поздно. Само это таинство чрезвычайно позднего происхождения. Его формирование завершилось только к XV веку.

Всё это очень непросто, особенно что касается брака, плоти, семьи, т. е. вещей и социальных, и объективированных, и естественных, а подчас и не очень естественных. В этих делах требуется необыкновенная чуткость и осторожность.

Г. Муравник. А не будет ли предпочтительнее в ситуации бездетного брака избрать в качестве выхода усыновление?

о. Георгий. Это всегда возможно, и многие так и делают. Но в наше время это затруднено самыми разными обстоятельствами, и иногда это просто не работает. А потом все очень боятся взять настолько генетически испорченного ребенка, что потом не смогут с ним справиться. Я знаю много таких случаев, в том числе когда детей брали в замечательные священнические семьи. Бесплодные, бездетные усыновляли ребенка, а потом жутко мучались. У меня перед глазами несколько очень ярких примеров. С одной стороны, неизвестно каким был бы этот ребенок, если бы он не был в священнической семье, но с другой – для её членов это мучение, это испорченная жизнь. Это серьёзно, это не то же, что просто некие жертвы ради детей, которые несут родители в любой семье. Всё это очень сложно. Я вам честно скажу, что когда видишь, как проходят годы и годы, то часто становится грустно. Сначала всегда надеешься, что всё исправится, что ребеночек подрастёт и сам всё поймёт, но когда позади уже много лет, когда видишь, что всё идёт только хуже и хуже, тогда думаешь: «Ну зачем же они это сделали? Зачем такого усыновили?» Пока ребенок маленький, что по нему увидишь? А быть может, он был зачат в пьяном бреду или от совсем опустившихся родителей. В итоге дети вырастали с такими наклонностями, которых в благочестивой семье они никак получить не могли. Тут могла сказаться только генетическая предрасположенность, т. е. заложенный родителями генотип.

- Может быть, не столько генетическая, сколько врождённая, потому что внутриутробные девять месяцев имеют очень большое влияние. А что в генетике?

А она влияет на всё.

- Скорее врожденность влияет на всё. Генетическая предрасположенность сказывается только когда накапливается во многих поколениях.

Ну, не всегда. Я думаю, что с генетическим кодом всё сложнее. Конечно, мутации – это сложный вопрос. Как они происходят, когда и почему? Это не просто механическое накопление новых признаков. Бывает, что изменение накапливается из поколения в поколение. А бывает, что раз, и что-то меняется, и никто не знает почему. Вдруг происходит не просто передача генетических свойств, но и их изменение, их приобретение. Как это получается, мы не знаем. Я, во всяком случае, не знаю.

- Г. Л. Муравник нам много рассказывала об искушениях, связанных с увеличением продолжительности человеческой жизни и ценой, которая за этим стоит. Часть людей просто ставит себе основной целью продлить жизнь, сделать её более здоровой, веселой и т. д. Цена за это велика, но я понимаю, что биоэтика вряд ли решит эту проблему. На одной из лекций мы говорили о том, что она ищет консенсус между подходами к проблеме всех слоев населения. С одной стороны, действительно есть глубокое расслоение, и непонятно, как дальше это будет решаться, но я не думаю, что люди из разных слоев по-разному подходят к этим проблемам.

Г. Муравник. Вы имеете в виду технологию стволовых клеток?

- Нет, я имею в виду, что с 1996 г. начался коммерческий выпуск трансгенной продукции. И люди менее обеспеченные могут позволить себе купить лишь то, что искусственно и стоит дешево, и все магазины полны генетически изменёнными продуктами. А люди более обеспеченные могут позволить себе пойти в магазин, где продаются натуральные продукты и где другие цены. Может ли биоэтика решить эту проблему? И как жить дальше? Ведь перейти на дорогие натуральные продукты мы не можем. А количество онкологических заболеваний у нас – тоже проблема. В состоянии ли биоэтика здесь что-то сделать?

о. Георгий. Она пытается. Я думаю, вы хорошо знаете, что все стараются действовать прежде всего через определённые ограничения и информацию, чтобы обеспечить возможность свободного выбора. Но выбор-то очень понятен: или люди могут вообще умереть от голода, или у них будут генетически модифицированные продукты. Известно, что до сих пор множество людей на земле умирают от голода. Вот что на двух чашах весов, и это опять вопрос компромисса. Представьте себе, что вам говорят: «Натуральных продуктов нет и не будет. Очень богатые люди смогут позволить себе их купить, а на вас не хватит». Вы спросите в ответ: «А что же мне, умирать с голоду?» А вам скажут: «Как хотите. Хотите – умирайте с голоду, а хотите – покупайте дешёвые, но генетически изменённые продукты. Они имеют такие-то и такие-то пороки и недостатки, но вы будете жить. Сколько вы проживёте, никто не знает, но у вас будет возможность прожить, а если вы будете голодать, то такой возможности у вас не будет». Я думаю, что тут все сделали бы однозначный выбор.

Это всё происходит не от хорошей жизни. Действительно, численность населения на земле сейчас резко повысилась, а кормить людей нечем. Плюс ко всему нарастает экологиче-

ская проблема. Мы недавно её очень хорошо оценили. Я был неделю в Бозийском монастыре в Италии, в предгорьях Альп, и когда я шел по этим лугам, полям и вдыхал воздух, я просто его пил. Я думал, что уже никогда не услышу этих запахов, которые помню со своего раннего детства, с начала 1950-х годов. Их давно у нас нет и в помине. Ещё полвека назад было, а сейчас ничего близкого нет. А там это есть: и запахи, и бабочки, и многое другое. Я, например, только на таком уровне оценил остроту экологической проблемы: что мы за полвека сделали со своей землей, во всяком случае в Москве и Подмосковье. Хотя Подмосковье сильно отличается от Москвы, но всё равно уже нет ничего подобного тому, что было там когда-то: ни грибов, ни бабочек, ни тех жуков и ящериц. Полезные они были или вредные – другой вопрос, но вокруг всё кишмя кишело живностью. Были реки с рыбой. И это были 1950-е годы, а когда считаешь, что было до революции, того же И. С. Шмелёва, то всё вообще похоже на сказку. Что с этим делать? Мы сможем всё это восстановить? Точно не сможем.

- А человек, это ведь то же самое. О каких мы говорим медицинских аспектах, если сама природа полностью меняется...

Совершенно верно. Я и сказал, что нам очень трудно отвечать на такие вопросы до конца, потому что мы не можем дать исчерпывающее определение естества человека. Самая большая проблема понять, что для человека естественно. Принято считать, что естественно то, что делает большинство, что обычно делают все. Но мы с вами прекрасно знаем, что в истории «все» «обычно» делали вещи очень разные, вплоть до их прямой взаимной противоположности.

Я помню одну проповедь прот. Всеволода Шпиллера, когда он иллюстрировал эту мысль, говоря, что в древнем обществе могло быть этично пойти и съесть того, кто тебя обидел, или скальп снять на всякий случай для коллекции, и т. д. (*Смех.*) И это нормально, прекрасно, и ты хороший человек. А сейчас подобные вещи считаются абсолютно запрещёнными. Даже в Библии мы читаем, что, например, вплоть до времён Христа, пока существовал закон левирата⁶, многожёнство не осуждалось. Были другие представления и о кровосмешении. Сейчас мы хотя бы из этих соображений не можем применить закон левирата, а тогда было иначе: умер муж – пусть родной брат возьмёт его жену и восставит семья. Кто его спрашивает, любит он её или не любит? Это сантименты и эмоции. Человек сам внушает себе эти эмоции, и ему хорошо, а завтра они возьмут и пройдут. Всем известно, как это бывает. Поэтому сантименты сейчас никого не волнуют. Сейчас такое время, когда мы эти чувства называем любовью, а в другие эпохи, совсем недавно, бывало по-другому. Вот теперь и судите, что естественно, а что неестественно. То, что считается этической нормой для данного общества в данное время в данном месте, совершенно не обязательно так и сохранится на все века. Единственное, чему мы приписываем качество отражения вечности, – заповедям Божиим. На то они и не просто общественные нормы поведения или правила приличия, а именно заповеди Божьи. И несмотря на это сейчас возникают вопросы, скажем, с гомосексуализмом. Вы в курсе, в чём здесь суть споров? Судя по программе, вы об этом не говорили. Почему те же протестанты, которые вообще часто буквально понимают всё, что написано в Библии, несмотря на то, что там это дело запрещено, говорят: «Нет, оно разрешено. Человек просто таким родился, значит, для него это естественно. Поэтому мы будем венчать и геев, и лесбиянок, и т. п.»?

- В Библии сказано, что если кто ляжет с мужчиной как с женщиной, то обоим надо предать смерти.

---

⁶ Левират – древний институт обычного права, описываемый наиболее точно во Второзаконии Моисея и разъясняемый в других книгах Библии: «Если два брата живут вместе, и один из них умрет, не имея у себя сына, то жена умершего не должна выходить на сторону за человека чужого, но деверь её (левир, откуда и само название “левират”) должен войти к ней и взять её себе в жены, и жить с нею. И первенец, которого она родит, останется с именем умершего брата, чтобы имя его не изгладилось во Израиле» (Втор. 25, 5–6; ср. Быт. 1, 38). – *Прим. ред.*

Г. Муравник. Они говорят, что это поздняя вставка.

о. Георгий. А вы знаете все их ответы? Там же есть и хитрые аргументы. Является тот текст поздней вставкой или нет, можно долго доказывать, но у ап. Павла, хочешь не хочешь, это точно не вставка. И там, например, сказано, что не только мужеложники, но и пьяницы Царства Божьего не наследуют. Попробуйте-ка теперь подойти к любому пьянице и сказать, что он, независимо от всех прочих своих грехов и добродетелей, Царства Божьего не наследует только потому, что он пьяница.

- Может, он сразу протрезвеет?

Он не только сам протрезвеет, он и подошедшего протрезвит сразу, кулаком в лоб! (*Смех.*) Это отдельная проблематика, я не хочу в неё входить, но там есть очень интересная аргументация. Совсем не глупая, кстати, и поэтому ответить на неё бывает необыкновенно трудно. Вы же не думаете, надеюсь, что люди, которые все эти грехи признают и делают, полные идиоты и что они подчиняются только сиюминутным поветриям: сегодня это можно, а вчера было нельзя, и завтра снова будет нельзя или можно. Они не идиоты, у них есть совершенно определённые взгляды и серьёзные аргументы. Если вы окажетесь за границей, то у вас будет много шансов попасть на какой-нибудь спор между богословствующими субъектами. Тогда вы почувствуете, как трудно вести такие разговоры. Это, может быть, и не напрямую проблемы биоэтики, но, во всяком случае, это вещи родственные.

- У меня такой вопрос. Как быть, если встречаешься с человеком, может быть, не совсем тебе близким и родным, и видишь, что он умирает, или умирает твой близкий, родной человек, и тоже не знает о такой своей ближайшей перспективе? Например, неизлечимая стадия онкологии, а человек и не подозревает об этом. У меня так мама умерла. (*О. Георгий: У нас с вами на глазах сколько таких примеров.*) Как в таких случаях поступать? Нужно ли человеку говорить о том, что его ждет, и если нужно, то как? И второй вопрос: как говорить с неверующими и как с верующими, ведь тут есть большая разница?

Этот вопрос уже был нами проработан, и поэтому я коротко отвечу на него. Мне пришлось не однажды бывать в таких ситуациях как священнику, когда меня приглашали причащать на дом и заранее предупреждали, что человек умирает и что ему осталось жить, может быть, несколько дней, а может быть, несколько часов, но он об этом не знает. Родные хотели ему об этом сказать, но не знали, как это сделать. И вот мне много приходилось думать и размышлять об этом, и я скажу, к чему я на сегодняшний день пришёл «в сухом остатке».

Я считаю, что верующему человеку о таких вещах надо говорить обязательно. Другое дело, что, конечно, надо суметь сказать это в очень тактичной форме. Убить словом можно любого: и верующего, и неверующего. Верующий человек всё-таки понимает, что одной телесной жизнью на земле для него всё не заканчивается. И если он действительно жил по вере, то может жить и в надежде на Жизнь вечную. Поэтому ему всю правду сказать надо. Другое дело, кто должен говорить и как. Я считаю, что здесь существуют некоторые этические ограничения. Во всяком случае, это моя настоятельная рекомендация. Скажем, дети, независимо от возраста, не должны говорить об этом своим родителям. Это просто некая субординация, и вещи этически важные. Я думаю, вы понимаете, почему детям не надо говорить об этом родителям.

- Имеются в виду родные дети?

Да. Если это племянники или иные родственники, то это другое дело. Чем дальше родство – тем лучше, но младшим не желательно говорить это в адрес старших.

- А если никого больше нет?

Всегда могут быть как бы безвыходные ситуации, но тогда и вопросов нет. Если же есть выбор, то я считаю, что лучше всего, чтобы говорил кто-то из старших. Скажем, родители детям или, если такой возможности нет, то чтобы сказал обо всём священник. Меня как раз часто просили сказать об этом, так как чувствовали невозможность самим сообщить это своим близким. И мне приходилось об этом говорить.

Но всё-таки я пришёл к выводу, что это имеет положительный результат только с верующими людьми, у которых есть в сердце настоящая надежда. Для человека неверующего всё иначе. Чем позже он узнает, что его земная жизнь кончается, тем лучше, потому что неверие уже само по себе убивает его. А тут получится одно плюс другое, и поэтому никогда не знаешь, что человек потом с собой сделает. Он может в приступе отчаяния сразу покончить с собой. И вместо добра ты принесёшь человеку зло. А вот верующему, даже если скажешь, что ему осталось жить всего несколько часов или дней, то что он сделает? Он, полагаю, смиренно помолится: «Бог дал, Бог взял», – и постарается урегулировать отношения с ближними, примириться со всеми, исповедаться, причаститься, проститься с родными и близкими, и всё. Просто и естественно. Человек умирает без отчаяния, потому что смерть хоть и враг Богу, но не последний тупик. И его смерть будет побеждена. Но знает это только верующий человек. Этим-то он и отличается от неверующего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.